

Проф. Ф. А. Щербина.

1. О деятельности Общества Кубанцев
в Чехословацкой Республике.

2. Кубань в прошлом и настоящем.

(Відбитка зі збірника „Кубань“).

П Р А Г А.

Видання Громади Кубанців в Чехословацькій Республіці.

1 9 2 7.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА КУБАНЦЕВ В Ч. С. Р.

Четырехлетний рабочий период Общества Кубанцев в Чехословацкой Республике давно уже требовал освещения в печати деятельности Общества, преимущественно с фактической стороны. Это необходимо было сделать, как для сторонней Кубанскому Краю публике, в видах поправки тех отрывочных и неточных, а часто тенденциозных и пристрастных сведений, какие циркулировали в публике на этот счет, так и для самих кубанцев в целях информации их. Но при огромных затратах труда на текущие злободневные дела, О-во лишено было возможности осуществить давно назревшую задачу. Для этого не было ни достаточного количества рабочих сил, ни свободного времени, ни необходимых средств. Пользуясь материальной поддержкою Правительства Ч. С. Р., кубанцы все усилия направили на работы по устройству кубанской учащейся молодежи, чтобы возможно продуктивнее использовать ограниченные средства на неотложные нужды эмигрантов-кубанцев.

Между тем деятельность О-ва как по характеру ее, так и по результатам представляет в этом отношении двойкий интерес. Исходя из принципа объективизма и аполитичности, Общество в течение четырех лет обслуживало интересы всех, без различия их партийных кличек, кубанцев, раз они тяготели к общей родине Кубани и находились в положении, требовавшем помощи и поддержки. Располагая и абсолютно и относительно минимальными материальными средствами сравнительно с другими эмигрантскими организациями, Общество Кубанцев затратило свои средства исключительно на помощь тем, кто нуждался в ней, сводя расходы на рабочий аппарат до крайнего минимума и не допуская окладов лицам, а не делу.

Таким образом, само собою является понятным, что использование документов Общества и цифровых данных, характеризующих его деятельность, с одной стороны, и более широкое освещение этой деятельности, с другой, может быть оформлено не в виде партийного издания, а лишь сборника с работами лиц, сотрудничавших в аполитичной деятельности Общества.

Условия исторического значения и текущей действительности диктовали кубанцам определенный план и характер их деятельности. Ку-

банцы, живущие в Чехословакии, материально и морально связаны, с одной стороны, с своею родною Кубанью, а с другой, с родственным ей чехословацким народом. Вот эта двойная связь и представляет своего рода схему деятельности Общества.

Кубань оставлена кубанскими эмигрантами на ярко выраженной фазе своего исторического развития. Революционный переворот застал Кубань в состоянии не растерянности и дезорганизации, а в полной готовности к новой творческой деятельности в областях культуры, экономики и грандиозного строительства. В самый разгар революционного переворота на Кубани быстро и безболезненно появились прообразы учредительного собрания — казачьи рады и краевые съезды. Ими сразу же были сформированы демократические учреждения республиканского характера. Во главе Края стали: 1) Краевая и Законодательная Рады или парламент и законодательный корпус, 2) избираемый на Краевой Раде и ответственный перед нею Войсковой Атаман или президент Кубанского Края, 3) формируемое атаманом Краевое Правительство или кабинет министров, ответственный перед Законодательною Радою, и 4) избираемый Краевою Радою, ответственный перед нею, но независимый от Атамана и Правительства Краевой Контролер. Эти высшие учреждения и лица и повели немедленно организационную работу по упорядочению Края.

Такая безболезненность и активность сразу ожившего Края были следствием тех условий, какие исторически сложились, как подготовительная фаза эволюции, способствовавшая восприятию высших прогрессивных культурных форм, народного управления и гражданской свободы. Стихийный характер этих условий перетворился в гражданско-осознанный.

В Чехословакии, в которой осели наиболее активные и интеллигентные силы Кубанского Края, кубанцы нашли аналогичные демократические порядки, но в иных формах и на иной фазе культурного развития. Чехословакия прошла длинный путь культурно-национального развития и естественно, что она дала живые примеры для освящения аналогичных форм на Кубани и образцы творчества в направлении нового культурного строительства. Несмотря на небольшие размеры и короткий период самостоятельного существования, она оказалась жизненнее славянского великана — бывшей России, по своему культурному развитию, национальному росту и духовной мощи. И в России была своя культура, но это была культура верхов народа, а в Чехословакии она эволюционно прорезала верхи и низы. Благодаря этому, национальный дух в Чехословакии, какого не оказалось в нужный момент в России, так быстро и устойчиво, выражаясь фигурально, поставил на государственные ноги демократическую страну.

Таким образом, в Чехословакии кубанцам было на что посмотреть и чему научиться. Наглядные образцы культуры и гражданственности вызвали у них не простое любопытство, а естественное желание в организованном изучении культурных богатств Чехословакии. Так, например, в Праге возникли чешско-кубанские курсы в целях изучения сравнительным путем соответственных форм и явлений в жизни Чехословакии и Кубани.

Все это оказалось тем естественнее и необходимее, что Кубань уже

была связана с Чехословацким народом как поселением в ней чешских селений — Кирилловки, Мефодиевки, Глебовки, Владимировки близ Новороссийска¹⁾, так и участием в разных местах Кубани чехов-специалистов в области просвещения, хозяйства, промышленности и торговли. Здесь же, в Чехословакии, благодаря непосредственному соприкосновению кубанцев с чехословаками, частичные связи, завязавшиеся на Кубани, стали кубанцам не только еще более близкими и понятными, но и привязали их ум и пожелания к кардинальному вопросу о тесном единении двух стран на основе обоюдно-выгодных интересов. Кубанскому Краю необходимы силы специалистов и интеллигенции для использования огромных естественных богатств, а Чехословакия богата такими силами и работниками, часть которых может войти и в самостоятельный культурный фонд Кубани. Это тем естественнее и возможнее, что Чехословакия оказала же материальную помощь кубанской молодежи в приобретении научного образования и знаний.

Нужда в культурном единении, на основе разумно построенной экономики, тем настоятельнее, что в последние годы Кубанский Край чрезвычайно обессилен экономически, культурно и в области просвещения. Быстро восстановить потерянное и тем более завести заново необходимое немислимо. Поэтому, и в ближайшем будущем, при меняющихся эволюционно условиях, кубанцы будут заранее спаяны с Чехословакией в области просвещения и завязавшихся еще до войны экономических сношений. Прага и другие города Чехословакии, с их высшими учебными заведениями и прекрасно оборудованными лабораториями, кабинетами, клиниками и пр., чего или совсем нет, или недостает Кубани, надолго могут остаться для кубанской молодежи, нуждающейся в просвещении, духовными центрами. Это, конечно, не значит, что наука и духовный свет только в окне одной Чехословакии, а вытекает из поучительного для кубанцев факта, что к ним Чехословакия безвозмездно пришла на помощь в деле духовного развития и зажгла свет этого развития в такой форме, какой не было на Кубани на всем протяжении ее истории, богатой фактами подавления центральным правительством духовного просвещения, а не развития его.

А дома, на Кубани, связанная наукою и просвещением с Чехословакией молодежь не применит на деле применить рациональные формы хозяйства и экономических организаций Чехословацкого народа, и тем еще более углубит и расширит между Чехословакией и Кубанью экономические и культурные связи в целях обоюдно-выгодного обслуживания интересов трудовых масс.

Вот тот путь, в границах которого шли в своей деятельности наиболее активные члены Общества Кубанцев в Ч. С. Р., не допуская в общем кубанском деле партийных осложнений и нетерпимости. Такой путь органически естественен, логически правилен и эволюционно связан с текущим историческим моментом. Ни старую по культуре Чехословакию, ни молодую по историческому стажу развития Кубань нельзя обособить и выделить в изолированное от этого момента положение. Обоим им бли-

¹⁾ Новороссийск был раньше казачьей станицей, а в последнее время он вошел со всею бывшею раньше Черноморскою губерниею в состав Кубанского Края.

зок и родственен переживаемый исторический момент по своей демократической трансформации, ярко выраженной в замене абсолютных и конституционно-ограничительных монархических форм государственности формами демократично-республиканскими, с принципом обеспечения прав национальных меньшинств.

Чешские государственные деятели и чехословацкий народ очень рано примкнули к общеевропейскому прогрессивно-культурному движению, под непосредственным влиянием которого сложилась и общечеловеческая культура, охватившая, главным образом, Европу, а позже и заселенные культурными выходцами Европы страны, как, например, Соединенные Штаты Америки. Корни идеалов государственного и социально-экономического строительства чехословаков находятся, поэтому, в общеевропейской культуре, а дальнейшее развитие Чехословацкого народа может и, без сомнения, будет совершаться в духе доктрины славного президента Чехословацкой республики Масарика — в направлении развития общечеловеческих идеалов. В области науки, мысли и особенно морали этими идеалами безусловно осуждены войны и губительно враждебные отношения между народами. Человечество должно двигаться по пути совершенствования личности, равенства и братства, развивая, созидая и укрепляя в этом направлении государственные образования и социальные организации. Усвоение общечеловеческих идеалов и активное движение по осуществлению их проявили не только сознательные элементы в населении Кубани, но и вообще трудовые массы, что фактически подтверждается как исторически сложившимся бытом кубанского, пропитанного демократизмом, населения, так и органическим, безболезненным возникновением быстро наладившихся демократически-республиканских порядков на Кубани.

Но пути к осуществлению общечеловеческих идеалов сложны и трудно достижимы. Прогрессивное движение человечества складывается из двух безмерно великих областей человеческого творчества — из духовной культуры и культуры материальной. По природе общий признак духовной и материальной культуры один и тот же, как акт бесконечно движущегося прогресса. Но в путях достижения культурных целей, в способах реализации культурных благ лежит целая пропасть несходства, различий и противоречий. Духовные ценности — наука, искусства, моральные истины более или менее общедоступны всем расам и народам. Из-за них народы не ведут кровавых войн и ими не вызываются грубо физические насилия над людьми. Они — интернациональны, они — дары всего человечества, и никто не оспаривает прав на них любого народа или государства.

Однако, самые высококультурные народы и государства не безвинны в подавлении низших рас и слабо культурных народов, в эксплуатации их труда и богатств. Часто цивилизаторы одною рукою сеют духовные ценности культуры, а другою загребают материальные, пропитанные трудом и политые потом, произведения поработенных экономически народов. Текущий исторический момент таит в себе не одни высокие лозунги демократических идей, республиканского государственного строительства, но и несомненно зародыши остро назревающего кризиса в международных экономических взаимоотношениях, как результат давления

культурных и экономически сильных государств на национальные интересы зависимых народных масс.

История бесповоротно осудившая абсолютизм, как совершенно непригодную в цивилизованных государствах форму правления, и наложившая печать вымирания вообще на монархизм, обременена очень большими недоделками в области национальных вопросов. Скромная проблема обеспечения прав национальных меньшинств служит только первым поступательным шагом в этом отношении, но далеко не охватывает всех сторон великого национального движения, совершающегося на наших глазах. Можно сказать, что национальные движения начинают переходить в мировой акт. Такие проявления их, как движение в Китае, или в Индии, или в Марокко, или в неостывшей еще Турции и т. п., как-то затевают собою более мелкие или менее острые процессы того же рода.

На Кубани, как и в большинстве других частей расколовшейся России, национальный вопрос имеет огромное значение. В зависимости от общего характера национальных движений на экономической подкладке, национальный вопрос, применительно к деятельности Общества Кубанцев, делится прежде всего на две части — на вопрос местный, Кубанский, и на вопрос общий, международный. В первом случае он — вопрос внутренних распоряжений во взаимоотношениях населяющих Кубань народностей, во втором — вопрос внешних отношений к другим народам, с которыми кубанцы исторически связаны или кровным племенным родством, или же узами соседства по местожительству.

Родственные народы кубанцам — украинцы, белоруссы, великоруссы, чехи, сербы, болгары, литвины и поляки, а пограничные соседние народы — кавказские горцы и грузины.

В настоящее время вообще кубанцы-эмигранты находятся большею частью в славянской среде. Одно уже это в известной мере связывает их с славянами. Но не одно это сближает их с единокровными народностями в данный момент. Вяжет кубанцев с славянами общность их экономической позиции в международной обстановке: славяне находятся в одинаковом с другими, охваченными национальным движением, народами интернациональном положении, грозящем им экономическими бедами и закабалением.

За исключением одной Чехословакии, государственно спаянной в национально-культурном и экономическом отношениях, остальные славянские народы нуждаются прежде всего в такой спайке. К тому же в одних местах они экономически придавлены, а в других во всяком случае обессилены и, значит, скорее, чем другие, стоящие в лучших условиях страны, они могут подпасть эксплуатации сильных экономически и культурно государств. Не секрет, что в Европе нет ни одного культурного государства, которое не имело бы в виду экономически закабалить славян. Славянам смертельно вредит их разъединение; им надо крепко стать на страже своих интересов и использовать настоящий момент. Общие условия их внутренней жизни и развития не мешают такому объединению, а диктуют его.

Славяне, во-первых, большею частью объединены территориально и только отчасти разъединены двумя (Румынией и Венгрией) мало-

численными государствами, прямые интересы которых заключаются в союзе с славянами на почве культуры и экономики. Во-вторых, славяне наиболее сильны в Европе мало исчерпанными еще естественными богатствами и обилием земель, что составляет краеугольный камень для союзного или федеративного объединения. В третьих, у славян более крепки, чем у большинства других европейских народов, кровно-родственные связи, вызывающие взаимные симпатии и коренящиеся в языке, в фольклоре, в этнографических особенностях, в обычаях, хозяйственных навыках и т. п. В четвертых, наконец, подавляющая масса славянского населения пережила уже период стихийного национального развития и вступила в фазу осознанных, рациональных взаимоотношений, диктуемых общечеловеческими идеалами.

Было бы непростительной капитальной ошибкой со стороны славян не использовать этих условий в данный момент¹⁾. Если бы не все славяне сразу пошли по пути единения, то для более сильных из них это безусловно верный путь. Ведь существовала же единая неделимая Россия при несравненно худших условиях единения частей. История дала ясные указания, в каком духе может быть исправлена ошибка, допущенная монархической Россией. Одной грубой военной силы и обанкротившегося самодержавия недостаточно для крепкого национального единения разьединенных частей. Необходима моральная связь на началах самостоятельности и равноправия частей, связь, исключая подавляющий централистический режим в какой бы то ни было форме, начиная с самодержавия и оканчивая давлением интеллигентного большинства над меньшинством.

Таким образом, для кубанцев самым ходом исторических событий намечаются те экономические нити, которые и их вплетают в общую семью славянских народов. Если в перспективе для них светятся идеалы общечеловеческого прогресса и цивилизации, то в той же перспективе ярко отражается ставка на экономическую организацию славянских народов, как на противовес посягательствам экономически сильных государств. Береженного Бог бережет, а ведь Кубань хоть и маленький, но едва ли не самый лакомый в славянстве кусочек по своей экономической ценности.

В свое время для цивилизованных народов единая неделимая Россия служила пугалом, при одной мысли об объединении ею славян. Но это пугало в его грозно угнетающем виде упразднила история. Во образе воюющего и всех подавляющего великана невысказаны уже ни расколовшаяся на части Россия, ни объединенное полностью или частями славянство. Нужна иная, проникнутая духом общечеловеческих идеалов,

¹⁾ В последнее время начинает приобретать все большее и большее число сторонников идея Европейских Соединенных Штатов в форме союза Европейских государств по образцу Американских Соединенных Штатов. Особенно популярной она стала после Локарнской конференции. Нет ничего утопичного и невозможного в организации такого союза, но он не исключает славянского единения, на основе общечеловеческих и общекультурных идеалов, а наоборот, в такой форме может только способствовать организации Европейских Штатов, раз в основу того и другого единения положены будут главным образом принципы общечеловеческого культурного творчества, а не одни задачи экономической конкуренции с Соединенными Штатами и другими внеевропейскими странами и государствами.

форма единения. В этой обновленной форме объединенное славянство несовместимо с понятием грубо давящей и разрушительной силы. Ибо в области духовной культуры славянство мыслимо лишь как сотрудничающая в творчестве с другими народами группа.

К сожалению, в области материальной культуры, кроме военной, существует экономическая борьба, и в данный момент она, если не полностью проявляет характер своей старшей сестры, то широко пользуется ее средствами. Не обессиленные народы и маленькие государственные единицы куют ведь ковы — плодят, как грибы после дождя, аэропланы, броненосцы и, быть может, иные чудеса смертоубийства и расправы, а именно наиболее культурные и сильные государства. Хотелось бы верить, что трудовые массы народа не пойдут за руководителями военных насилий во имя экономических интересов, но вера без дел мертва есть, а такими делами может быть только тесный, на принципах культуры и обоюдно-выгодной экономики, союз народов, которым грозит экономическое закабаление.

Так характеризуется общая интернациональная обстановка, с которою не могут не считаться и кубанские деятели. Как бы, однако, зловеща и грозна ни была эта обстановка, она имеет для кубанцев, так сказать, перспективный, освещающий действительность характер. В общеславянском вопросе, например, кубанцы нашли уже наиболее близкую им славянскую страну по культуре и экономике. Но у кубанцев еще до эмиграции ярко наметились свои собственные вопросы кубанского бытия.

Соседями кубанцев, на всем протяжении Кубанской истории, были непосредственно соприкасавшиеся с ними горцы, а с 1864 года стали и грузины. Обе народности демократичны, что и проявили они активно со времени революции в России. Грузины образовали самостоятельное государство, признанное Лигой Наций, а черкесы, живущие в пределах Кубани, слились уже в культурно-правовом отношении с местным населением. Все это факты, без всякого сомнения, указывающие на то, что начавшееся освободительное движение кавказских народностей аналогично и однохарактерно с освободительным движением Кубани и что, благодаря близкому соседству, разумно построенные экономические отношения могут еще более объединить соседние с Кубанью народности, раз объединительное направление будет совершаться в духе культурных общечеловеческих идеалов. Таким образом, желательное в этом направлении сближение кубанцев с кавказскими горами и грузинами является первоочередным вопросом местного характера.

Главную же задачу для всех кубанцев, живущих на Кубани и эмигрантов, понятно, должно составлять разрешение местного национального вопроса. Движение в этом духе есть, интенсивно растет на Кубани и ярко отражается в жизни кубанцев-эмигрантов. Этого вопроса Обществу Кубанцев нельзя было ни игнорировать, ни выключать из общих задач как культурного, морального и научного образования молодежи, так и тех чисто практических проблем, какие намечаются в местной жизни Кубани в направлении подъема культуры и экономики.

Коренной этнический состав на Кубани дали семь казачьих войск — Черноморское, Бугское, Буджакское, Екатеринославское, Азовское, Хоперское и Донское. Но первые пять войск за исключением малого чи-

сла инородцев, влившихся еще в запорожские организации, состояли поголовно из украинского населения, в Хоперском войске преобладали также украинцы и только одни донцы, преимущественно староверы, принадлежали к московско-российскому корню, но на 15 тысяч черноморского украинского населения одновременно осело лишь 2626 душ мужского пола донцов, образовавших Кубанский казачий полк. Тремя годами позже, в 1801 году, в перешедших на Кубань полностью или частями Черноморском, Бугском, Буджакском и Екатеринославском войсках числилось украинцев свыше 43 тысяч, а донцов не больше шести тысяч, или 86% украинцев и 14% великороссов.

В последующих массовых переселениях преобладали также украинцы.

В 1864 году при заселении Закубанья полностью перешло украинское Азовское казачье войско, состоявшее из бывших турецких запорожцев.

На других частях Кубанской территории осели в 1827 году в верховьях реки Кубани хоперские казаки, большая часть которых были из украинцев, а меньшая из русских, калмыков и персиян.

В конце XVII столетия поселено было 11 крестьянских сел, в которых в 1801 году числилось 21.337 душ обоего пола смешанного из украинцев и великороссов населения. Впоследствии население всех этих сел было обращено в казачье сословие.

С 1856 по 1859 г. колонизована была так называемая Новая или Лабинская Линия смешанным российским и украинским населением, большая часть которого была передвинута из северных и северо-восточных частей Кубани.

Особенно же большой приток переселенцев начался с покорения черкесов в 1864 году. На обширные пространства Закубанья «шли в казаки» со всех концов России, но и в этом случае преобладали украинцы.

С этого же времени и до наших дней на Кубанской территории стали оседать не казаки, а крестьяне и мещане или так называемые «иногородние», не входившие в состав коренного населения. Приток был так силен, что через 50 лет на Кубани числилось приблизительно столько же иногородних, сколько и коренных жителей — казаков, городских сословий, черкесов, колонистов и крестьян наделенных землей. Подавляющая масса иногородних вышла из украинских губерний — Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Харьковской, украинских уездов Воронежской и Курской, из Полтавской, Черниговской, Киевской и пр. В течение целого ряда лет Кубанским статистическим комитетом велись ежегодно переписи населения и составлялись списки, по которым население из украинских губерний колебалось между 70% и 80% в составе иногородних.

Таким образом, как исторический ход колонизации казачьими войсками Кубани, так и самовольный приток иногороднего населения из ближайших к ней украинских губерний одинаково свидетельствуют о преобладании в крае украинского населения и о связи его с украинскими губерниями. Благодаря обрусительным централистическим порядкам и режиму, часть кубанских украинцев, конечно, обрусилась, на что указывает масса украинских фамилий и прозвищ в этой части. И тем не менее, не смотря на это, до последней войны на Кубани было ни в коем

случае не меньше 62% украинцев, 8% черкесов, 2% инородцев и иностранных подданных и, значит, не более 25% великороссов.

Факт огромной важности и значения. В общей своей массе кубанские украинцы не изжили еще в своей памяти тех связей с населением разных местностей, из которых вышли их отцы и предки, связей по языку, фольклору, этнографическим особенностям, хозяйственным навыкам, юридическим обычаям и пр., пр. и несомненно связей чисто родственных. Было бы, поэтому, просто историческою нелепостью, если бы кубанские украинцы не симпатизировали, не тянулись душой и чувствами, не искали взаимопомощи, союза, единения с кровно-родственным населением Украины, чтобы объединиться в единое национальное целое. Это тяготение должно быть тем интенсивнее, что кубанские украинцы только потому, что они украинцы, пережили насилия центральной российской власти, издевательства над их «самостийностью» и даже угрозы «расправы», что фактически проявилось в расстреле, виселице и убийстве из-за угла лучших представителей кубанской самостийности. Одни украинцы на Кубани находились в этом исключительном положении да и теперь еще всюду они испытывают ненормальность его. Не надо закрывать глаза на это, не надо замалчивать и тушить работу разума над обширную, разностороннюю и сложную сеть тех психических переживаний и моральных побуждений, которыми обыкновенно движутся и питаются массовые национальные течения, а ведь в данный момент эти течения проявляются в мировом масштабе, и кто-ж докажет, что они не влияют на психику украинца или славянина?

Что происходит в действительности?

С того момента, как Россия, после неудачной войны, стала колотья на части, украинский народ, переживший долгий исторический гнет и засилья в положении зависимого меньшинства, проявил особую активность в стремлении к национальной самостоятельности. Это естественное, зафиксированное всей историей Украины, национальное течение, в порядке его эволюционного развития, принято было, как измена украинцев, со стороны тех, кто привык к централистическому господству над народностями в единой неделимой России. Произошла роковая ошибка, повредившая прежде всего политически безграмотным едина неделимцам в достижении их целей.

И вот теперь, несмотря на показательные уроки национальных движений у разных народов, те, кто жаждет править и верховодить в проблематичном пока восстановлении России, проникнуты убеждением, что украинский народ можно, как подъяремного вола, по прежнему запречь в исторический плуг порабощения и покорности. Опасное заблуждение, чреватое ужасными последствиями. Не кровавые давления и грубые насилия требуются для подъема народных масс, а духовные и моральные средства в безмерно широких рамках мира, труда, знаний, культуры, свободы, равноправия и братского единения.

Факты, азбучно понятные, ведь на лицо. Существуют две самые многочисленные отрасли славянства — великорусская и украинская, и если первая численно преобладает над второй, то и вторая насчитывает в своих рядах не менее 40 миллионов душ обоего пола. Не надо быть пророком, чтобы сказать, что только на государственной самостоятельности

и равноправии великороссов и украинцев может быть рассчитано и разумно ведено дальнейшее развитие обеих народностей. Только при условии таких взаимоотношений между соприкасающимися территориально национальностями мыслим нормальный и этически крепкий рост их, который зависит во всякой национальности от ее инициативы, собственного разума и самостоятельного творчества в области духовной и материальной культуры.

В таких условиях и обстановке возможен, например, как культурный и социальный рост любой, рвущейся к самостоятельной жизни и творчеству части славянства, так и постановка кардинального вопроса об единении славян. Препятствие их единения бесспорно осуждено историей, новый мыслим лишь в рамках равноправия, свободы и самостоятельности всех славянских народов и в тесном их сотрудничестве на поле духовного и экономического творчества, а не на агрессивных тенденциях порабощения, подавления других народностей. Ибо таковы основы общечеловеческого прогресса и дальнейшее эволюционное развитие общечеловеческих идеалов. Неразумно и преступно было бы строить положительные стороны государственной и социальной жизни на отрицательных акциях, подрывающих или разрушающих основы свободы, равноправия и братства.

С этой точки зрения, кубанский национальный вопрос был ясен для деятелей Общества Кубанцев. Каждая национальность имеет неоспоримые права на самостоятельное развитие и существование. Таков был принцип, которым руководились избираемые Обществом для ведения дел лица. Ориентируясь в условиях высшего порядка и в вопросах общего характера, кубанские деятели все время вели эти дела на принципах полного объективизма и аполитичности. В таком духе был составлен устав, утвержденный Чехословацким Правительством, и Общество ни разу не сошло с этой позиции в сторону тех, кто пытался внести в деятельность Общества партийную борьбу и несогласия. Правление Общества безразлично работало для всех, кто был кубанцем, не считаясь с их политическими взглядами и заботясь главным образом об учащейся молодежи. В делах Общества не было места и нет ни документов, ни статистических данных, в которых был бы хоть какой-нибудь намек на нарушение этих принципов в деятельности Общества или его исполнительных органов.

В своем объективизме и аполитичности деятели Общества Кубанцев руководились тем простым и здоровым соображением, что краевые интересы Кубани, как самостоятельного целого, должны быть близки и дороги всем честным и морально неспорченным кубанцам, раз они равноправны, и чтобы не случилось с Кубанью при дальнейших фазах ее развития, для Кубани, как самостоятельного целого, необходимы прежде всего и более всего внутренняя сила и единство. Ибо из крепко спаянных в таком значении частей только и мыслимо крепко объединенное целое. Этим принципом руководилась Кубань и в момент своего демократического возрождения, когда она участвовала в гражданской войне и когда на нее наложили тяжелую централистическую руку представители из того лагеря, к какому она примкнула, поддерживала и кормила.

Таким образом, Общество Кубанцев в Ч. С. Р. и его морально активные элементы, поддерживавшие его единство, ориентировались в своей

деятельности 1) на Чехословацкой Республике, как живом примере общекультурного и национального развития и 2) на безотложной необходимости установления и урегулирования нормальных равноправных в государственном значении взаимоотношений между великороссами, горцами и украинцами. Сообразно с этим, кубанские деятели смотрели на основные вопросы развития духовной, моральной и материальной культуры. И как бы не рассматривалась деятельность Общества Кубанцев в Ч. С. Р., но во всяком случае нельзя логическими доводами или фактическими аргументами доказать, что Общество понесло ошибку в своей деятельности или шло по ложному узко партийному пути.

Проф. Ф. ЩЕРБИНА.

КУБАНЬ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ.

1. ИСТОРИЯ КУБАНИ.

Кубань имеет тройную историю: 1) предъисторию, 2) историю народов временно оседавших на Кубани и 3) историю Кубанских Казаков, образовавших новейшую Кубань в последние 130 лет. По письменным источникам древних классических писателей, эта тройная история тянулась не менее 2500 лет, а по данным доисторической археологии она восходит до самой глубокой древности существования первобытных людей.

Древнейший греческий миф свидетельствует, что на Кубани к Эльбрусу был прикован прародитель греческого народа титан Прометей за похищение с неба у богов огня и передачу его на землю людям. По другому греческому мифу, после потопа, погубившего всех людей, Прометеев сын Девкалион и жена его Пирра ушли из Киммерии в Грецию. Идя в этом направлении, они бросали через плечо камешки, мгновенно превращавшиеся в людей, и восстановили этим способом род человеческий.

В «Одиссее» Гомера с поразительной точностью описаны внешний вид и топографические особенности нынешнего Таманского полуострова, составлявшего по тогдашней географии часть Киммерии. Сюда волшебница Цирцея послала Одессея с наказом найти на Тамани вход в ад, вызвать из ада тень прорицателя Терезия Фивского и узнать от него, какая судьба назначена богами Одессею и грекам блуждавшим с ним после падения Трои по Черному морю. На Таманском полуострове есть несколько сопков, маленьких вулкаников, извергающих часто грязи, а временами дым и твердые лавообразные извержения, и кратера сопков украинцы-кубанцы называют «пеклом», адом.

Греческие мифы и сказания кавказских аборигенов свидетельствуют затем о циклопах, одноглазых великанах-людоедах, обитавших в циклопических жилищах из огромных камней. Легенды о «песиголовцах», одноглазых людоедах, циркулируют и у нынешнего Кубанского населения. Остатки же от циклопических построек сохранились кое-где на Кубани, а «дольмены» или, по местному названию «богатырские хаты», грандиозные циклопические гробницы первобытных людей, сотнями рассыпаны в горных частях Кубани.

По таким же греческим и кавказским сказаниям, близ Кубани и на самой Кубани жили амазонки, отчего и самый Дон назывался тогда Амазонием — в нем «купались амазонки». В числе прочих народностей на Кубани, по свидетельству древних писателей, обитали женившиеся на амазонках савроматы, которым греки дали название «гинекократумены», т. е. управляемые женщинами — «сарматидами».

Таким образом, в Кубанскую предъисторию входят три вида греческих сказаний — мифы о Прометее огнедобывателе, о людоедах циклопах и об амазонках воительницах, соответствующие трем фазам первобытной жизни людей — овладению людьми огнем, людоедству и приоритету воинствующей женщины или материнскому праву. О каждой из этих фаз существуют уже литературные источники, но очень многое могут еще дать пока слабо обследованные богатейшие кубанские памятники доисторической археологии — пещеры неолитического века, дольмены, города троглодитов и вообще древние городища и могильники.

Но и сам по себе факт связи древней Кубани с древней Грецией имеет историческое значение. Не по ошибке же прародитель греков Прометей попал на Кубань, не случайно вход в греческий ад оказался в сердце Киммерии на Тамани и не без причины сын и невестка Прометей отправились из Киммерии в Грецию восстанавливать род человеческий. В основе мифической концепции несомненно есть своя фактическая подкладка.

С научной точки зрения, мифологическая связь Кубани с Грецией может быть трактуема, как пребывание в отдаленную старину на Северном Кавказе предков благородной расы — арийцев, из числа которых греки попали в Грецию. С этой проблемой связан целый ряд характерных исторических указаний. Такова, например, поразительная, доходящая до тождественности аналогия мифов греческого о Прометее и индийского о Матарашване, который также, как и Прометей, похитил у бога Агни огонь, скрывавшийся в дереве, при чем в индийских «Ведах», повествующих об этом, и та палочка, с помощью которой индийские брамины и до сих пор еще добывают священный огонь верчением из дерева, называется праматою или матою.

С другой стороны, Кубань связана с древней Индией общностью названий некоторых мест. Кубань — это испорченное древнее историческое ее название Гипанис, приток Инда; весь район, примыкающий к нынешней Анапе, назывался у древних греков Синдиккою или Индией, а население района — синдами или индами — и на Кубани, и в Индии существовала Корокондама. Самый язык дравидов, древних индийцев, на котором написаны «Веды», по количеству сходственных коренных слов ближе, чем все другие языки европейских арийцев, подходит, с одной стороны, к греческому, а с другой, к древнеславянскому языкам, и, поэтому, занял в лингвистическом кольце, обнимавшем, по теории Латама, размещение арийцев в Европе (по близости сходства коренных слов) в порядке — греки, латины, кельты, германцы, литвины, славяне, как раз то место, в котором недоставало одного звена между греками и славянами.

На основании одинаковых названий реки, некоторых мест и народностей на Кубани и в Индии и других аналогических указаний, Тэйлор предполагает, что арийцы пришли не из Азии в Европу, а наоборот, из

Европы в Азию и осели в Индии и Иране, занеся в Индию название реки, собственное название, и некоторых местностей на Кубани.

Так ли это, или нет, но сама по себе проблема Тэйлора несомненно имеет не только общенаучное, но и местное для кубанцев значение, которые произвели уже исследования и нашли достаточно материалов по некоторым отделам предъистории родного Края.

Такова в общей своей схеме предъистория Кубани.

Вторая часть тройной истории Кубани — временное пребывание разных народов на Кубани, в свою очередь делится на четыре периода: 1) киммеро-скифский, 2) Боспорского царства, 3) нашествия кочевников и 4) господство татар с колонизацией Кубани итальянцами.

Наиболее подробные сведения о первых исторически известных аборигенах Кубани — киммерийцах и скифах, дают отец истории Геродот и авторитетнейший историк древности Страбон. На сколько важны их исторические указания, прекрасным подтверждением служит то обстоятельство, что многие сведения, сообщенные ими и казавшиеся неправдоподобными, как, напр., дикий обычай скифских похорон царей, с фотографической точностью подтверждены раскопками скифских могильников на Кубани.

Первыми засельщиками Кубани, по свидетельству греческих историков, были киммерийцы строители дольменов. Судя по тому, что строение дольменов прекратилось приблизительно за 2000 или 1500 лет до Рождества Христова, и затем в местах расположения дольменов появился другой тип гробниц этого рода, построенных уже черкесами из мелких камней, можно полагать, что родословная киммерийцев восходит до времен Прометея и спускается до современных нам черкесов. В самом деле, тот факт, что строители дольменов постепенно, надо полагать, веками и тысячелетиями, подвигались от левобережной долины Кубани все выше и выше в горные ущелья, о чем свидетельствует постепенное развитие в том же направлении строительной техники в дольменах, имеет важное показательное значение, раз техника постройки дольменов перешла в новый вид черкесской техники в постройке черкесских гробниц, похожих на дольмены по внешнему виду, размерам и погребению в них, как и в дольменах целых семей или групп лиц. Одно из двух: или пришедшие откуда-то черкесы уничтожили всех киммерийцев в горах, или же одна часть киммерийцев, разместившихся вообще широко на Кубани, сохранилась в горных ущельях, благодаря недоступности их жилищ, а другая, находившаяся на степных равнинах вместе с их единоплеменниками скифами, была покорена и смешалась с другими народностями.

Это опять таки чисто местная, покрытая таинственной темнотой, проблема Кубанской истории или в частности истории черкесов, живущих на Кубани.

И киммеро-скифский период богат указаниями на связь Кубани с Грецией. Особенно характерны в этом отношении греческие мифы о скифах, имеющих самые тесные связи с Кубанью и оставивших на ней свои могильники. По одному из этих мифов, сам Зевес сбросил с неба скифам золотые дары — плуг, рало, секиру и чашу; по другому прародителем скифов был младший сын Геркулеса от временной связи его с девушкой полузмией; а по третьему сам Геркулес научился стрелять из лука у

скифа Тавтара. Подчеркивается, следовательно, новая фаза в связях греков с Кубанью.

В VII веке до Р. Х. скифы покорили на Кубани киммерийцев, а в следующем VI столетии Ионийские греки, выходцы из Милета, основали на побережьях Черного и Азовского морей ряд колоний, факторий и городов. На Таманском полуострове возникли Фанагория, Кефы, Гермонасса, Горгиппия, Киммерион, Аххилеум, Петреус, и Корокондама. Все эти колонии вошли потом в состав Боспорского царства. Первоначально каждый город или колония управлялись выборными начальниками — архонтами, но потом города и колонии образовали союз, и власть над ними захватили тираны из дома Археонактидов, давших двух первых царей этой династии. Правители эти именовались архонтами Боспора и Феодосии и царями синдов, (индийцев), торетов (черкесов), дандаров, песесиев и др. большею частью скифских народностей Кубани. Боспорское царство постепенно ширилось, увеличивалось и, спустя шесть столетий со времени возникновения, оно перешло к Митридату Великому или Евпатору, и настолько усилилось, охвативши все Черноморское побережье и Крым, что Митридат становился соперником римлян, хотя и был побежден ими. Знаменитое донесение Юлия Цезаря: «veni, vidi, vici» (пришел, увидел, победил) относится к его победе у Понта (Черного моря) над Фарнаком, бездарным и вероломным сыном Митридата Великого.

Боспорское царство с двумя столицами у Боспорского пролива — Пантикапеей, нынешней Керчью, в Крыму, и Фанагорию, близ Тамани, на Кубани, существовало около тысячи лет, почти столько, сколько все государство бывшей России со времени Рюрика, и пало тогда, когда радикально изменились условия для культурного влияния греков на кубанские народности, под давлением кочевников, вышедших из Азии. Следы греческой культуры и теперь еще кроются в многочисленных памятниках, особенно на Таманском полуострове, и из раскопок этих памятников добываются чудные керамические изделия, редкие вазы, золотые украшения, монеты и масса др. предметов греко-скифской культуры. Греки находились в таких близких отношениях со скифами, что боспорские цари заключали браки со скифянками, а греки женились на скифянках. Знаменитого греческого оратора Демосфена противник его укорял в том, что он сын эллина и скифянки; в Анапе найдена мраморная доска с высеченным на ней списком 225 победителей в так называемых «длинных бегах» и в числе этих победителей значатся и греки и синды (инды, индийцы), и скифы — явное доказательство культурно-общественной близости греков, скифов и синдов.

Таким образом, греки представляли в древности ту национальность, которая видимо на протяжении огромного периода имела постоянные связи с Кубанью. Все другие народности лишь временно пребывали на Кубани.

Первыми исторически известными пришельцами на Кубани были готы. На юге Европы они появились при императоре Юстиниане, а на Кубани осели в районах Тамани, Анапы и Геленджика. Но готы были не кочевники, а выходцы из Севера, из Скандинавии, и на Кубани были уже христианами. В V веке по Р. Х. готы были вытеснены первыми ко-

чевниками, вышедшими из глубины Азии — гуннами, которые одновременно разрушили и Боспорское царство.

За гуннами следовали родственные им авары, венгры или мадьяры, затем хозары, болгары, печенегы, турки, половцы, наконец, монголы и татары. Каждая из этих народностей, за исключением последних трех, только переходили через Кубанские равнины, временно кочуя на них и оставляя на местах стоянок могильники и курганы. Половцы или команы оставили на вершинах курганов каменные бабы, неуклюжие изображения своих прародительниц, а монголы и татары ногайцы, надолго осевшие на Кубани и близ нее, насыпали много сторожевых курганов. Но каждый кочевой народ производил более или менее значительные опустошения в крае. Особенно много вреда принесли в этом отношении монголы и татары. Впоследствии часть татар была покорена турками и эти татары вместе с турками владели степною частью Кубани до тех пор, пока огромная северозападная площадь степных земель не была занята черноморскими казаками, основоположниками Кубанского казачьего войска.

Одновременно с падением могущественной империи Чингиз-хана, началась колонизация Кубани итальянцами. В конце XII столетия, на земле, купленной в Крыму у татарского хана Оран-Тимура, генуэзцы заложили город Кафу или нынешнюю Феодосию. Отсюда они распространили колонизационную деятельность и на Кубань, оборудовавши на ней ряд зависимых от Феодосии колоний: Батарио или Бату, где нынешний Новороссийск, Мапаро или Мапу, где нынешняя Анапа, Матрику или нынешнюю Тамань и Ло-Коппо или Копу на Протоке или на Азовском рукаве р. Кубани, в местности, на которой временно существовал татарский город Копыл и находится ныне Славянская станица. Важнейшею из этих колоний была Локопа. В ней жил генуэзский консул, существовало демократическое управление, с контрольными и ограничивающими деятельность консула учреждениями из местных греков и латинцев, как назывались итальянцы, чеканилась собственная монета, широко велась торговля красною рыбою и икрой и продавались невольники.

Генуэзцы своею деятельностью оставили заметные следы в горной части Кубани. Ведя оживленную торговлю с черкесами, они проложили через весь хребет Кубанских черных, покрытых лиственным лесом, гор так наз. итальянскую дорогу, распространяли христианство среди черкесов, построили им несколько храмов и надолго оставили у них воспоминание об игеноас, т. е. генуэзцах. Черкесы до покорения их в коммерческих сделках с казаками пользовались названием серебряной монеты «сомн», переделавши ее в «сом» (серебряный рубль) и «соминок» (серебряная монета в 25 коп.).

Прежде, однако, чем заселена была Кубань казаками, русским войскам с донскими казаками пришлось выдержать длительную войну с кавказскими горцами и отчасти с татарами, наследниками многольского владычества в Предкавказье. Тут была своя историческая подкладка. Исторические предания, традиции тянули русское и в особенности украинское население и его князей к Кубани, как родственной когда-то стране, тем более, что она изобиловала и естественными богатствами. В конце X в. Владимир Святой связал Киев с Кубанью, основавши на Таманском полуострове отдаленного юга Тмутараканское княжество, кото-

рое в 988 году, по возвращении из Корсуня он и отдал своему воинственному сыну Мстиславу. Как известно из истории, Мстислав в войне с черкесами убил в единоборстве их богатыря Редедю. После Мстислава в Тмутаракани княжило несколько других князей, но потом Тмутараканское княжество как-то совсем исчезло из истории. Только в недавнее время напечатанная кабардинцем Шорою Ногмовым историческая черкесская песня, с патетическим: «Ой Ридада! ой Ридада!» пролила некоторый свет на это мгновенное исчезновение целого княжества. Если песня передает действительное историческое событие, в чем, повидимому, нельзя сомневаться, то оказывается, что черкесы, собравшись в огромном количестве, двинулись на Тмутаракань, чтобы отомстить ее населению за убийство Редеди, и разрушили Тмутараканское княжество до основания.

Позже, при существовании Запорожского Войска, запорожцы не переставали посещать Азовское побережье Кубани. Они имели там свои постоянные рыболовные места на Тамани и в Ачуеве, т. е. там, где греки поместили вход в свой Аид, а потомки греков основали цветущие, эллинские колонии, где гремело Боспорское царство, свили прочные гнезда для торговли гетуэзцы и куда стремились даже дикие кочевники.

Видные русские государи не упускали из виду Предкавказье и Кубань. Так поступали Иван Грозный, женившийся на кабардинской княжне Темрюковне, Петр Великий, мечтавший о походе на Индию, и Екатерина Вторая, при которой, в силу заключенного 10 июля 1774 г. Кучук-Кайнарджийского мира, Предкавказье и Кубань по р. Кубань отошли к России. Знаменитый Екатерининский полководец Суворов, назначенный в 1774 г. командующим русскими войсками на Кавказе, положил конец беспрестанным столкновениям черкесов с калмыками и татарами. Сначала он действовал разумными мирными способами и привел к полной покорности татар, давших согласие на выселение с Кубани за Волгу, но потом, когда взволнованные мурзами татары отказались переселяться и стали нападать на русские войска, после ожесточенных битв, они передвинуты были в заволжские степи. Когда же 22 июня 1791 г., русскими войсками под командою генерала Гудовича была взята, сожжена и до основания разрушена сильная турецкая крепость Анапа, долгое время служившая оплотом и местом фанатического возбуждения для горцев и турецких единоверцев татар, то все прикубанские равнины были совершенно подготовлены для заселения их новыми поселенцами. Таких переселенцев дало Черноморское казачье войско, занявшее Таманский полуостров в следующем же 1792 году.

Черноморское казачье войско было прямым и непосредственным наследником войска Запорожского как по составу, так и по историческому складу и традициям. Когда в 1775 г. была разрушена русскими войсками Запорожская Сичь, то запорожцы, добровольно сдавшие ее и не ожидавшие вандальского разрушения ее, разбрелись частью по Старой Украине, частью в Новороссийском Крае, а значительная часть их ушла на Дунай к туркам и основала там Дунайскую Запорожскую Сичь. Когда же 12 лет спустя, в 1787 г., возникла война России с Турцией и главный виновник разрушения Сичи «Великолепный князь Тавриды» Потемкин понял крайне важное, при турецких и татарских войнах участие в русских войсках опытного, испытанного и стойкого запорожского элемента,

то он попробовал завербовать запорожцев в пикинерские полки. Но запорожцы решительно отказались «служить москалями», как называли они регулярную службу солдат. Тогда, под несомненным влиянием видных запорожских старшин — Сидора Белого, Харька Челиги, Антона Головатого и др. старых и популярных сичевиков, Потемкин поручил им образовать «волонтерские команды». Запорожские старшины приняли предложение своего сичевого товарища Грицька Нечосы, как называли в прежней Сичи Потемкина, и, формируя волонтерские команды, сумели организовать из них целое «казачье войско», придавши его организации запорожский склад и характер. Так было положено начало Черноморскому войску.

В течение 4-х слишком лет, с 1787 по 1791 г., черноморцы служили в рядах русской армии. В самом начале войны приступом, на небольших «чайках» гребной флотилии, они взяли сильно укрепленный неприступный остров Березань, громили вместе с русскими большими судами турецкий флот, участвовали во всех важнейших актах войны — при взятии Очакова, штурмом Хаджибейского замка, находившегося на месте нынешней Одессы, затем крепостей Болграда, Аккермана и Бендер. А в 1790 г., с появлением в русской армии Суворова, были деятельными участниками важнейших заключительных операций — при взятии крепости Килии, замков Исакчи и Тульчи и сильнейшей на Дунае крепости Измаила. Военные деяния черноморцев были так удачны и блестящи, что Русское Правительство охотно отдало им земли для поселения между Бугом и Днестром и помирилось с их внутренними чисто запорожскими порядками и Запорожскою военною организациею.

Так сложилось Новое Запорожское войско, названное Черноморским по месту своей деятельности. Черноморцы завоевали себе самостоятельную демократическую организацию и управление; у них были свой кош или резиденция, свои выборные кошевые отаманы, судья, писарь, осаул и другой более мелкий служебный персонал, своя армия — конница, пехота, гребная флотилия, артиллерия, а также внешние знаки своеобразного запорожского уклада — клейноды или регалии в виде знамен, булав, перначей, литавров и пр. В новую свою организацию черноморцы внесли и новое семейное начало. Это придало силу и жизненность войску во внутреннем его развитии.

При всем этом черноморцы, однако, прекрасно понимали шаткость положения войска, особенно со смертью в том же 1791 г. Потемкина, принимавшего близкое участие в судьбе образовавшегося при нем войска. Земли под поселение черноморцев хотя и были «указаны» и разрешение селиться дано, но территория не была закреплена за ними в их собственность. А между тем свежий еще в их памяти факт расхищения их запорожских земель екатерининскими вельможами естественно наводил их на мысль, что то же может произойти впоследствии и с землями Забужья. Соседние помещики не скрывали своих чаяний на этот счет и энергично напирали на казачью администрацию, обвиняя черноморцев в приеме в войско беглых от помещиков крепостных крестьян. В этих критических обстоятельствах черноморцы на двух войсковых радах решили переселиться из Забужья на Кубань и послали представителей войска в Петербург для исходатайствования свободных земель в пустом, никем не заня-

том крае — на Кубани. Ходатайство черноморцев было удовлетворено полностью и проведено в жалованных грамотах и узаконениях так, как казачьи депутаты сумели провести, согласно данной им войском инструкции. В следующем 1792 г. черноморцы двинулись, поэтому, на Кубань.

Заселение Кубани казачьим населением велось по четырем обособленным частям территории — по правому течению р. Кубани образованы были Черноморья и Старая Линия, а с левой стороны р. Кубани были заселены Новая или Лабинская линия и Закубанье. Колонизация Кубани была начата черноморцами в 1792 году.

Черноморья, заселенная исключительно украинским населением, была и продолжает быть главной основной частью Кубанского Края. Ее история и развитие внутренней жизни населения во многом отличны от истории и развития Старой и Новой Линий и Закубанья. Унаследовав демократические запорожские порядки, черноморцы внесли в свою внутреннюю куренную или станичную жизнь живую струю «семейственного бытия», по их старинному выражению. Взамен Сичи был основан ими в 1794 г. город Екатеринодар, в котором однако отведена была значительная часть под крепость и постройки внутри ее, по образцу Запорожской Сичи, 40 куреней для помещения в них «сиромы» или бессемейных казаков-одинок. Остальное казачье население было размещено на всей территории войска по жребию в 40 ранее намеченных местах для сельских куреней в том составе, в каком числилось население по каждому куреню в войске, и под теми названиями, какие носили городские курени. Земли были закреплены грамотами Екатерины за войском «в вечно потомственное владение».

Черноморцы имели своих особых войсковых атаманов по назначению правительства до 1855 г. из среды черноморцев же, а с этого года и до 1860 г. одного атамана неказачьего происхождения. Войсковые атаманы были административными правителями и военными начальниками в Черномории, заменивши таким образом высшее запорожское управление на выборном начале и контроле войска. Высшие войсковые учреждения состояли также из чиновников по назначению. Самые первые исторические деятели Черноморского войска — Чепига, Головатый и Котляревский, многое сделавшие для войска, упразднили особым актом важнейший орган Запорожья — войсковую раду, сосредоточив власть в своих руках. Это была колоссальная ошибка правителей, сделанная ими самовольно без совета и согласия с казачеством. Только в куренных громадах или общинах остались выборные служащие и выборные учреждения. Куренные или станичные общины удержали за собою эту почетную роль до революции в России с большими или меньшими ограничениями их прав и компетенции.

Все земли Черномории делились на войсковые и общинные. Первыми распоряжалась казачья войсковая администрация, а вторые находились в исключительном ведении общин. Станичные общины все время были деятельными охранителями казачьих демократических порядков и не допускали ни частной собственности, ни крепостничества. Частная собственность была введена только в последствии высшим правительством.

Военную службу в пределах своей территории черноморцы несли

исключительно на кордонах и пикетах, расположенных по плану и по чину Суворова, вдоль р. Кубани и в нижних ее разветвлениях. Это была чисто сторожевая служба, преследовавшая предупреждение кровавых столкновений в местах мирного населения, но периодически, по распоряжению высшего на Кавказе военного начальства, а ранее своего атамана, при учащавшихся набегах горцев, казаки участвовали «в походах в горы» на черкесов. Военные же части казаков — сотни, батальоны и полки, комплектовались постанично из одностаничников и пешие казаки имели постанично артели для походного хозяйства. Полиция формировалась из так называемых внутренно-служащих казаков и полицейская служба отправлялась поочередно в короткие сроки.

До покорения горцев в 1864 г. черноморцы занимались главным образом скотоводством и земледелием, как подспорьем к скотоводству, а также рыболовством и добыванием соли на озерах. Но при этих скромных экономических условиях, они высоко ценили просвещение. Школы в Екатеринодаре и окружных центральных куренях появились одновременно с возникновением их. Очень рано были оборудованы духовное и уездное училища, несколько позже мужская гимназия и еще позже женская. Особенно широко велось обучение в частных и домашних школах, и когда, по распоряжению правительства, преследовались и закрывались частные и домашние школы, население всячески отстаивало их. Вообще у черноморцев свято соблюдался украинский обычай уважения к книге и печатному слову и ценились «письменные» т. е. грамотные люди.

Колонизация Старой Линии началась в 1774 г. при иных условиях и в иной форме, чем в Черномории. Сюда перешли не охотники, а насильственно переселены, по приказанию высшего начальства, слушники, казаки-староверы с Дона. Из них был образован Кубанский полк, размещенный шестью станицами по р. Кубани на местах существовавших до того крепостей и второстепенных укреплений. Через 10 лет такими же станицами по Кубани, в промежутках между шестью станицами Кубанского полка, водворены были переселившиеся добровольно украинские казаки бывшего Екатеринославского войска, образовавшие новый Кавказский полк, а еще через 22 года из ближайших мест Ставропольской губернии передвинут был Хоперский украинско-российский казачий полк, размещенный станицами в верховьях р. Кубани на защитных пунктах линии; наконец, двумя приемами — в 1833 и 1848 годах, в казаки было обращено 17 крестьянских селений, смешанное из русских и украинцев население которых добровольно осело, в период с 1794 по 1802 г., под защиту казачьих станиц и укреплений по Кубанской линии. Таким образом, колонизация Старой Линии носила чисто военный характер и велась даже для добровольцев, как это было сделано с крестьянами и екатеринославскими казаками, применительно к военным целям с строго военным режимом. Из различного по этническому составу населения и в разные периоды образовано было несколько полков, из которых каждый прикреплен был к своей полковой земле и подчинялся, хотя и однообразному, но обособленному в экономическом и хозяйственном отношениях управлению.

По такому же образцу, группировкою станиц в полки, размещенных в местах укреплений и защитных пунктах, велась колонизация Но-

вой или Лабинской Линии, образованной на черкесских землях. Сюда были передвинуты, в период с 1841 г. по 1860 г., частью добровольно, а частью по приказу путем жеребьевки казаки Старой Линии, и здесь, в чужой земле и в боевой обстановке, влияние военного режима ложилось еще большею силою давления на мирные колонизационные процессы и хозяйственный быт, чем на Старой Линии.

Старая и Новая Линии имели, поэтому, много общего и сходственного в своей исторической структуре и обстановке. В обеих частях были одинаковый уклад культурной, гражданской и хозяйственной жизни. Ни на Старой, ни на Новой Линиях не существовало ни общих войсковых земель, ни общности хозяйственно-войсковых, как на Черномории, интересов. От верхов офицерского состава и до низов рядового казачества отдельные полки были связаны между собою лишь единством военного режима, военного приказа и беспрекословного повиновения. В станицах совсем не было самоуправления. Не существовало даже общеказачьего термина «станичный атаман», а были «станичные начальники», которые не выбирались станичным населением, а назначались военным начальством из офицеров, и которые бесконтрольно и независимо от станичных обществ распоряжались в них по своему усмотрению, как хотели. Было только по два на станицу выборных населением судей, но юрисдикция и роль их сводилась почти к нулю.

В зависимости от такого характера колонизации, хозяйственная жизнь — земледелие и скотоводство, хотя и слагалась обычным путем развития при обилии земель и хозяйственных наклонностей населения, но в культурном отношении линейцы шли позади черноморцев. В первое время на Линиях совсем не было школ и только одни старoverы поддерживали грамотность «домашним путем» да канцелярии плодили писарей из молодежи. В 1826 г., через 30 лет существования Старой Линии, в ней не было еще ни одной официальной школы, между тем как на Черномории в это время функционировали не только низшие школы, но школы уездного типа и гимназия. Далеко позже на Линиях были заведены бригадные школы, приготавливавшие главным образом писарей. Школьное же дело вообще налажено было только с момента соединения в 1860 г. линейцев с черноморцами в одно Кубанское казачье войско.

Наиболее существенные изменения в управлении и порядках войск Черноморского и образованного в 1832 г. Кавказского Линейного, в состав которого вошла в этом году Старая Линия, а потом в свое время и Новая Линия, были произведены двумя основными казачьими узаконениями — Положением Черноморского войска 1842 г. и Положением Кавказского Линейного войска 1845 г. Обои положениями, помимо учреждений общего характера, были введены в известные рамки казачьи общины, чем сужена была роль станичных общин Черноморского войска и поставлены в несколько лучшие условия линейные станичные общины. Но этими же положениями, в форме не одного фактического военного режима, а законодательным путем, центральное правительство в России положило резкое разграничение классового характера между офицерами или панами и рядовым казачеством.

В 1860 г. из двух старых казачьих войск, осевших на равнинах и предгорьях Северного Кавказа, образовано было два новых — Кубанское

и Терское, с общей между ними границей по водоразделу Эльбрусского контрфорса, от которого текут главные реки войск в противоположные стороны — Кубань на запад к Черному и Азовскому морям, и Терек на восток к морю Каспийскому. От Кавказского войска отошла к Кубанскому значительная территория с населением Старой и Новой Линий.

Колонизация Кубани тем не менее не приостановилась, а поведена была еще с большею энергиею. Начато было заселение Закубанья. Это был последний акт истории. Сначала приказано было выселить в Закубанье казачьи семьи из старых станиц по приговорам обществ или по жребию. Когда же эта мера вызвала форменные возмущения у казаков, то объявлена была колонизация края охотниками, которым, кроме разных льгот и обычного обеспечения землей за казачью службу, обещаны были небольшие «охотничьи участки» в частную собственность, в размере от 5 до 10 десятин на семейство рядовых казаков-охотников и от 25 до 50 дес. на офицерское семейство. Эта мера дала более благоприятные результаты. Таким образом, в самый разгар завоевания края и покорения черкесов, в Закубаньи было основано 76 станиц и 7 поселков в составе 14.081 семьи или около 85.000 душ об. п. В это число вошло 58,9% кубанских казаков, 25,3% казаков из др. войск и солдат и только 15,8% крестьян и разных сословий. Значит, Закубанье, как и др. три части, заселено было преимущественно казачьими элементами. Кубань была в буквальном смысле казачьим краем. На Закубанье, как на составную часть вновь образованного Кубанского казачьего войска, были распространены также его основные законы.

Но с колонизацией Закубанья связано издание в 1862 г. особого закона — «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Этим актом произведены были коренные изменения в основных формах казачьего землевладения и затронуты юридические основы станичного самоуправления. В новый закон не вошли ни институт войсковых земель, ни территориальное начало казачьих владений, но, на ряду с станичным общинным землевладением, в общеказачье землевладение впервые введен был институт частной земельной собственности в двух формах — под названием «охотничьих участков» и под предлогом продажи, по § 118 положения, в частную собственность и «в оброчное содержание» войсковых земель «в бывших Черноморском и Линейных казачьих войсках». Тем же положением о заселении предгорий рекомендуется «приобретать с разрешения войскового правления (высшего административно-хозяйственного органа в войске), в станицах участки усадебной земли и строить торговые и фабричные заведения, с правом владения оными, как полною собственностью, но с уплатою войску и общинам так называемой «посаженной платы». Статья прямо направленная на изъятие усадебных земель из юрисдикции станиц и подрывавшая не только земельные порядки, но и самоуправление казачьих общин.

Чтобы уяснить странный характер отмеченного положения о заселении предгорий, в котором ни к селу, ни к городу приплетены войсковые и усадебные земли, закрепленные жалованными актами и даже высочайшими грамотами целого ряда государей, за тремя совершенно обособленными в земельном отношении казачьими войсками, необходимо дать не-

которые комментарии к указанным юридическим несообразностям, лишенным какой-либо связи с специальной целью заселения предгорий и по существу казачьих прав на земли, и противоречивым логически. Фактически положение о заселении предгорий было лишь пробным камнем, пущенным из Тифлиса через Петербург на Северный Кавказ и в особенности на тучные черноземы бывших Черноморского и Старолинейного войск.

Дело в том, что в Тифлисе, при наместниках Кавказа, кн. Барятинском и в. кн. Михаиле Николаевиче, на служебной почве сгруппировались генералы и другие чины и воротилы по наместническому управлению в казачьих войсках, куда по службе тянул даже такой безусловно честный деятель реформенного периода, как генерал Милютин. Первоначально, под благовидным предлогом поднятия «экономического уровня» в казачьих войсках на Кавказе, зародились надежды на возможность дешевой закупки ценных степных черноземов у казаков, с чем повидимому и связано было принудительное выселение исконных степняков в непривычные для них горы, чтобы увеличить и без того большой запас войсковых земель. Длительная война с горцами была накануне окончания ее и, при мирной жизни казачества, их степные земли должны были высоко подняться в своей ценности. Расчет был правильный, но скрытый в положении о заселении предгорий план приобретения обоснован был слабо. Когда же черноморцы и хоперцы подняли бунт против выселений в горы и на это наткнулся при посещении Кубани сам Александр II, разобравшийся в сильно раздутом бунте и приказавший освободить «без всяких последствий» из тюрем черноморских офицеров и хоперских казаков, а заселение Закубанья повести вызовом охотников, то и самое закулисное плохо оборудованное предприятие потерпело крушение. Тогда при помощи дельцов меньшего калибра в среде чиновной тифлисской администрации и отдельных лиц из казачьей администрации на местах, выработан был более солидный план «высочайше пожалованных участков» генералам и военным чиновникам, принимавшим участие в кавказской войне с горцами. Жалованные участки осмотрительно проектировалось брать на свободных местах из отнятых у горцев земель, которыми, однако, по закону о заселении предгорий, прежде всего установлено было наделить закубанские казачьи станицы. Вместе с тем в законодательном порядке проведены намеченные еще в положении о заселении предгорий меры по привлечению на Северный Кавказ трудового безземельного населения.

И вот началась вакханалия расхищения казачьих земель. Жаловались земли всем — и первостепенным военным особам, и мелким армейским сошкам, и неносившим военного мундира лицам или даже не русским подданным. В первую очередь, напр., отведено было графу из кантонистов Евдокимову 10 тысяч десятин прекраснейшего чернозема близ р. Кубани с гремевшими в свое время нефтяными источниками на Кудако, а во вторую очередь сотнями десятин земли раздавались отцу протоиерею, начальнику почтовой конторы, черногорскому воеводе и т. п. Когда не хватило лакомых кусочков черкесской земли, стали жаловать и раздавать «по ошибке в межах» земли, принадлежавшие, по напечатанной в приложении к положению 1845 г. росписи казакам Новой Линии, и эта

ошибка выразилась в 200.000 десятин. Так расхищено было около миллиона десятин на Кубани и миллиона на Тереке и в Ставропольской губернии. А между тем многие закубанские станицы много лет совсем не имели пахотных земель, попавших под жалованные участки, станичное население из года в год голодало вследствие недостатка собственного хлеба, а некоторым станицам так и «не нарезаны» до наших дней заслуженные их отцами и предками земли.

Таким образом, в Закубании повторилась в иной форме та же земельная история, которая имела место на развалинах Запорожской Сичи, когда Екатерининские вельможи расхищали ее земли, и которой так боялись за Бугом черноморцы, переселившиеся на Кубань. Конечно, расхищение земель трудового казачества на Кубани было соединено с большими злоупотреблениями, но важен самый факт неумелой и неумеренной заботливости правительства о частной земельной собственности, так как он составляет только часть в той системе, какую поддерживало центральное русское правительство по отношению к демократической Кубани да и вообще к казачьим войскам.

В течение каких-нибудь 10-ти или 15 лет со времени формирования Кубанского казачьего войска был издан ряд законов, в силу которых из войсковых земельных запасов и из станичных «юртов» или общинно-земельных площадей отошла, при враждебном настроении к этой мере рядового казачества, масса наиболее ценных земель в частную собственность казачьим офицерам и чиновникам. Законами 1869 и 1879 годов об усадьбной оседлости казачьей земельной общине причинена была серьезная рана, породившая на долгие годы вражду между пришлым иногородним и местным казачьим населением.

Неумелое вообще вмешательство центрального правительства в казачьи земельные порядки способствовало внезапному, быстрому, без эволюционной постепенности, исчезновению огромного казачьего скотоводства на Кубани, и если на смену его пришло развитие земледелия, то этому ни в коем случае не способствовали ни владельцы жалованных земель, ни казачьи офицеры землевладельцы.

Напрасно правительство так усердно заботилось о насаждении частной земельной собственности. Неизбежным результатом этой неумеренной и неумелой заботливости правительства была быстрая и до комизма легкомысленная распродажа землевладельцами их земель частной собственности. На перебой продавали «свой», в сущности даром доставшиеся им, «земли» и казаки и неказаки владельцы; были и такие владельцы жалованных участков, которые совсем забыли о них и не показали своих глаз на Кубани даже в момент оживленной продажи земель. А, главное, никто не был подготовлен и не умел «заводить культуру». Если у казачьих офицеров кое где удержались хозяйственные обзаведения, то они и ранее были у них, и если они двигались вперед, то очень слабо и в лучших случаях хозяйственные улучшения были не выше улучшений рядового казачества. Землевладельцы же жалованных участков почти поголовно не вели не только образцового, но и какого бы там ни было хозяйства. Правда, на землях частной собственности, купленных так называемыми тавричанами-овцеводами и некоторыми частными предпринимателями, заведены были образцовые хозяйства, но эти образцы были и

образцами, в смысле редко встречавшихся единиц. Развитие земледелия и связанных с ним отраслей сельского хозяйства вынесли на своих плечах и обслуживали своими мозолистыми руками рядовые казаки в союзе с пришлым на Кубань трудовым населением.

Вообще культура и прогресс на Кубани все время двигались силами, исходившими из внутренних источников трудовой массы, с казачьих низов, с которыми находилась в тесной связи и казачья интеллигенция. Русское же центральное правительство, выражаясь фигурально, было в оппозиции к духовной культуре и прогрессу Кубанского казачества. Но в последний исторический момент, со времени наступления мирной жизни, когда в 1864 г. закончена была длительная, почти 70-ти летняя война России с черкесами, одинаково разрушительная для казаков и для черкесов, обессилившая их и задерживая прогрессивное течение жизни, — русское правительство пыталось переделать на свой лад и материальную культуру казаков.

Чтобы поколебать эту культуру в самых основаниях ее, оно выработало и опубликовало специальные законы, которыми суживались и обесценивались земельные демократические порядки, сложившиеся у казаков исторически, на основании обычного права, и отвело в новых обязательных законах премирующее значение институту частной земельной собственности. Против казачества это был поход не кровавых насилий или русского исторического кнута, а «культурные мероприятия», понимаемые адептами самодержавия в смысле господства высших классов над низшими, трудовыми. Однако, культурные мероприятия самодержавного пошиба, как об этом сказано выше, дали плачевные результаты. Новоиспеченные землевладельцы оказались совершенно непригодными для культурных целей даже в самодержавном смысле. При мирных же условиях и обстановке, когда козаку не требовалось проливать кровь и заниматься сизифовыми операциями в бездонной бочке военного дела, кубанец всю силу жизненной энергии и здорового, благотворного труда вложил в хозяйство, расширил его и улучшил, подняв тем нарастающую материальную культуру. Когда же сложились условия, благоприятные для свободного творчества, как это было на Кубани в 1906 г. на первой, после столетнего перерыва, Войсковой Раде кубанцев и затем в момент демократично-республиканского строительства Кубанского казачества, тогда казачий коллективизм и демократические навыки вылились в тех формах, какие были прямым ответом на революционные движения народной массы. Но оба эти момента в жизни Кубани столь знаменательны и характерны, что требуют особой более детальной и разносторонней оценки их. О том же, что дала вообще Кубань за последние 50 лет мирного существования, можно судить по данным о последней фазе ее развития.

Таким образом, тройственная история Кубани сложилась из смены целого ряда народов и смешения их культур. Первыми зодчими первобытной культуры на Кубани были видимо арийцы, а их непосредственными наследниками аборигены киммерийцы. Высшие формы культуры насаждали на Кубани греки, а далеко позже их и далеко слабее итальянцы. Кочевые же народы, бывшие не столько созидателями, сколько разрушителями, оставили в городищах, курганах и могильниках следы более примитивной культуры сравнительно с греческою и итальянскою.

И только в начале 19 столетия на Кубани осело в значительной массе украинское население, принесшее с собою готовую украинскую культуру. Но как у этой национальности, значительно усиленной потом новыми притоками к ней украинских элементов, так и у меньшей по численности части кубанцев великорусской национальности, войною и поголовною военною службою были связаны руки для экономического и культурного творчества в течение 70 лет. В конце концов история Кубани распадается на два несоизмеримые периода: на тысячелетия смены народов и на 130 лет новейшей истории казачества, которая в свою очередь обнимает 70 лет войны, несколько лет послевоенных неурядиц и только 50 лет мирно слагавшейся культурной истории.

Естественно возникает вопрос: какую же связь имеют 130 лет и тем более 50 лет с тысячелетиями протекшей исторической жизни Кубани? Связь духовного развития и творчества, с одной стороны, и живого примера в отжившем прошлом, с другой.

Кубанцы-казаки и примкнувшее к ним пришлое население так крепко, органически слились и срослись с Кубанью, что она стала для них родиною, как нечто цельное, непрерывно живущее и обаятельное по своей природе и бесконечному разнообразию жизненных процессов. И если этически настроенному кубанцу органически присуща уже идея своей обаятельной родины, то естественным эволюционным результатом этой идеи является работа ума и мышления по родиноведению. Но история ведь — мать родиноведения, и мыслима только в целом, раз речь идет о целой стране.

С точки зрения родиноведения, длинная вереница того, что прошло историческим путем на Кубани, является историческим поставщиком, с одной стороны, колоссального числа примеров для аналогии и сопоставления прошлого с настоящим, а с другой, характерными показаниями отношений целого ряда тех народов, которые соприкасались с Кубанью. С той и другой стороны, совершенно ясно одно, что, раз к Кубани во все времена льнули всевозможные народы, то, очевидно, в этой стране сконцентрирована большая сумма благоприятных условий для жизни людей и их культурного развития. Лучшим же оценщиком этих условий служит наука и научное освещение действительности.

В каждой стране есть наука общечеловеческая и есть наука своя местная, национальная. В общечеловеческую науку местные деятели вкладывают материальное содержание их родной действительности — в геологию местные геологические исследования, в ботанику ботанические, в зоологию — зоологические, в науки социального ряда социальные исследования по соответственным дисциплинам. Своя история без своего местного внутреннего содержания и самые факты такого ряда свидетельствуют о низком уровне развития страны. На Кубани есть уже своя полная история, в которую сами кубанцы внесли много ценных научных материалов и свое научное освещение. Это культурный признак страны, придающий ей ее собственные характерные черты.

Таким образом, и вышеизложенный короткий, почти схематический перечень важнейших моментов, пережитых Кубанью, свидетельствует о том, что на духовной ниве населения этой страны можно сеять семена

родиноведения не схематично, а полностью. И это есть признак роста страны, это ключ к ее настоящему.

II. НАСТОЯЩЕЕ КУБАНИ.

Кубань расположена между 41 и 46 градусами северной широты, т. е. на равном расстоянии между тропиками и северным полярным кругом, между поясами высокой жары и сильного холода и, значит, по своему географическому положению находится в очень благоприятных условиях как для развития растительного и животного царства, так и для жизни людей, прилагающих деятельность, главным образом, к органической природе.

Обширные степные равнины с севера и северо-востока, побережья Азовского и Черного морей с запада и югозапада и Кавказский горный хребет с юга и юговостока придают этому огромному в 95.487 кв. килом. краю характер цельной и обособленной местности, с чрезвычайным разнообразием природы и обилием ее естественных богатств.

Природа Кубани, точно колода раскрытых карт, обнаружила все ходы к раскрытию тайны земли и ее динамических процессов: высочайшие в Европе горы нагромодились и рассыпались здесь в самых причудливых комбинациях, выявив первозданные породы и последующие напластования на них; растительность представляет наглядную комбинацию форм флоры отдаленного севера и теплого юга умеренной полосы; животный мир отличается бесконечным разнообразием, начиная от крошечной снежной блохи, водящейся в вечных снеговых покровах высочайших гор, и кончая кавказским зубром, обитающим в непроходимых лесах близ альпийской полосы.

Многомиллионная площадь плодородных почв для земледелия, альпийские горные пастбища для скотоводства, 2 миллиона гектаров лесных пород для лесопромышленности, моря, лиманы, масса озер и степные речки для разведения несметного числа рыбы, многоводная, с многочисленными горными притоками Кубань, могущая, помимо транспортного значения, служить площадью в 55.663 кв. кил. своего бассейна неисчерпаемым источником для дешевого добывания электрической энергии, наконец, мало тронутые пока недра гор-минералы: серебро, железо, медь и пр., мощные залежи гранита, сиенита, порфира, цементняка, местами мрамора и др. ценных пород, каменный уголь, нефть, озекирит, многочисленные минеральные источники и обилие курортных мест — все это ждет капиталов, труда и предпринимателей для всевозможных предприятий.

Все это указывает на великую будущность молодой страны. Кубань, однако, имеет уже авторитетных свидетелей необычного роста даже в своей молодости и крепких связей, придающих жизненность и силу ее росту. Это пункты внешних сношений. До войны, в течение последних 50 лет, на побережьях Азовского и Черного морей возникло 11 портов: Ейск, Ясени, Ахтари и Темрюк на Азовском побережье; Тамань в Керченско-Таманском проливе или на историческом Боспоре, Анапа, Новороссийск, Геленджик, Джубга, Туапсе и порт-курорт Сочи на Черноморском побережье. Шесть портов: Новороссийск, Ейск, Ясени, Ахтари, Темрюк и

Туапсе выпускали за границу в довоенное время до 100 миллионов пудов в год одного хлеба, кроме того разного рода сырья — сала, кож, леса и пр., съестных и обработанных продуктов рыбы, подсолнечного масла, поташа и др. Через Новороссийск, Ейск, Ахтари и Темрюк поступает значительный привоз импортных грузов, направляемых на Кубань и через ее железнодорожные линии на север и северо-восток, с одной стороны, и отчасти по историческому направлению на Каспий, в Закавказье и Среднеазиатские владения, с другой, куда иностранные товары ныне направляются прямым путем через Батум, а оттуда далее по железной дороге.

В этом отношении Кубань, историческая передатчица древней индо-азиатской торговли с Европой, занимает одну из выгоднейших транзитных позиций, так как ее порты являются приемниками и передатчиками транзита в обширные и населенные местности севера, в северо-восточное Поволжье и в Сибирь. Таким образом, благодаря портам на Азовском и Черном морях, Кубани, при ее колоссальных и мало использованных богатствах, предстоит в будущем важная передаточная роль богатой и продуктивной местности, а это значит, что значительная часть транзита будет поглощаться Кубанью и тем способствовать широкому развитию разных видов местной промышленности.

Собственно крупная фабрично-заводская промышленность очень слабо развита на Кубани, несмотря на превосходные условия для постановки ее. Господствует земледелие, но оно не вышло еще из условий экстенсивности, при сильном развитии земледельческой техники, рассчитанной на выжимание соков земли. Тем не менее специальные культуры — подсолнух, табак и искусственное травосеяние в большей степени и садоводство, виноградарство, огородничество и культура лекарственных растений в меньшей получили уже довольно значительное развитие.

Сообразно с этим, на Кубани сильно развита промышленность по обработке продуктов земледелия — главным образом мельничное дело, обслуживаемое 333 промышленными предприятиями с паровым оборудованием, и масличное производство с 208 подобных же предприятий.

При огромном отпуске зерновых хлебов и сырья, Кубань заняла уже положение крупного международного рынка по сбыту подсолнечного масла и табаку. Чистое, с высоким качеством питательности, подсолнечное масло и его побочные продукты — саломас и бутурин, составляло после хлебных продуктов, самую крупную статью экспорта Кубани, а из общего количества отправляемого за границу в довоенное время Россией табаку на долю Кубани приходилось до 70% экспорта.

Не входя в перечисление других более мелких по слабому еще развитию, но несомненно много обещающих в будущем отраслей промышленности, как поташное дело, стеклянное производство, добывание смолистых и дубильных экстрактов и пр., следует отметить цементное производство у Верхнебаканской станицы, Туапсе, Геленджика, с первоклассными заводами у Новороссийска, поставляющими морем в разные, самые отдаленные страны цемент, в особенности во Владивосток, и пока слабую переработку, кроме белой рыбы, ценных продуктов рыболовства — икры, клею, визиги, балыков и пр.

Можно еще упомянуть о скоте и его продуктах, но то и другое шло

главным образом внутрь России, а не через порты. Этим же путем шли фрукты с Кубани и из Черноморского побережья, экспорт которых быстро рос и обещал обратиться в одну из видных статей отпуска Кубани, переваливши уже за сотни тысяч пудов.

Параллельно с развитием экономики и ростом хозяйственной деятельности, шло развитие Кубанского населения в культурном отношении. Развивалась быстро не только агрикультура, но и культура вообще. За 50-летний период это развитие выразилось не в одном росте городов, портов, курортных начинаний и целого ряда торговых станиц городского типа с 30 или 40 тысячами населения в каждой, не в одних культурных изменениях образа жизни и домашней обстановки, не в интенсивном вообще развитии культурных потребностей богатого, обеспеченного материально населения, но главным образом в высоком подъеме духовного уровня — в развитии населения и в его гражданской зрелости.

В 1864 г., по прекращении войны с горцами, на Кубани было не более 10% или 12% грамотных, а в последние годы перед войной в редкой станице не обучались все мальчики школьного возраста и большой процент девочек, и обучались не по принудительному закону, а добровольно. Слабое развитие школьного обучения замечалось только в глухих хуторах да у пришлого, не успевшего еще экономически обрости, населения.

В 1867 г. было 226 начальных школ, а через 53 года, к началу 1920 г. их было 1620, не считая школ частных и церковно-приходских. Количество тех и других, по числу 400 крупных станиц, можно считать не менее 600, т. е. в общей сложности к началу 1920 г. было низших школ не менее 2200 на три миллиона душ населения.

Высших народных школ городского и прогимназического типа в 1867 г. было 4, а к началу 1920 г. — 183.

Классических гимназий и реальных училищ, дававших права на поступление в высшие учебные заведения, в 1867 г. было 2, а к началу 1920 г. — 120.

Высшие учебные заведения появились на Кубани только со времени революции. Два года тому назад, при советском режиме, числилось: политехнический институт, медицинский факультет, педагогический институт, народный университет и 124 профессиональных школы разных типов.

В последние годы перед войной чувствовалась сильная нужда в высших учебных заведениях и число желающих поступить в школы высшего типа было огромное. В станицах среднего размера с населением около 15 тысяч за несколько лет до войны было два-три лица с высшим образованием, а в годы войны обучавшиеся в высших учебных заведениях насчитывалось по этим станицам десятками. Да иначе не могло и быть. Увеличение средних подготовительных школ-гимназий и реальных училищ, давало значительный контингент для высших школ, а среднее образование кубанская молодежь получала и в других, кроме Кубани, местах и учебных заведениях.

Духовная культура кубанцев измеряется не одним образовательным цензом населения. У кубанцев есть и своя литература. Правда, литературу создали писатели одной только украинской части Кубанского войска — черноморцы, и самые произведения их относятся больше к области

науки, чем изящной словесности, но это именно и характерно. Отличительная черта Кубанской литературы — ярко выраженный национализм: основные темы литературных работ касаются родины — Черноморья, и благодаря этому, в трудах черноморцев отразилась своеобразная самостоятельность мысли и полная реальность содержания — изображаются, оцениваются, измеряются и анализируются большею частью действительные явления родной страны, своей родной жизни и близких уму и сердцу событий казачьего войска, особенно Запорожского.

Первые работы в этом духе были даны черноморцами, получившими казачье крещение, судя по их зрелому возрасту, или в Запорожской Сичи, или во всяком случае от сичевиков Запорожья. То были казачьи старшины Мокий Гулик и А. Туренко. Первый составил официальное статистическое описание в форме табличной «Ведомости», с краткими, но ценными данными и для науки и для практических целей войска. Замечательно, что этот разведчик-статистик дал в 1792 г. — документ, составленный по приемам существовавшей в Западной Европе во второй половине XVII столетия описательной школы статистиков, за 16 лет раньше, чем напечатано было в России первое научное сочинение по статистике академика Германа, переделанное им на русский язык «для употребления в училищах Российской империи» из известного в то время труда — «Теории статистики» Шлецера, статистика названной школы и талантливый отец публицистики. А. Туренко составил первую историю Черноморского войска — «Исторические записки о войске Черноморском».

Лет через 40 после составления Туренком его труда, оригинал которого исчез из архива Кубанского войска и в 1887 году был напечатан в «Киевской Старине» со случайно найденной с него копии, появились исторические сочинения И. Д. Попки «Черноморские Казаки» в сороковых годах, «Черноморцы» П. П. Короленко в 1874 г. С тех пор, особенно в начале восьмидесятых годов, было напечатано много исторических работ и архивных материалов преимущественно по Черноморскому войску, Запорожской Сичи, эпизодов из войны с горцами и пр., а в самое последнее время стали выходить в свет и труды общего по Кубанскому войску характера, как например два тома «Истории Кубанского казачьего войска». И опять таки тружениками в этой области были, за очень немногими исключениями, представители украинского населения — черноморцы. Даже такие писатели не черноморцы, как генерал Кравцов, и автор капитальной монографии «История Хоперского Полка» Толстов, говорят о Хоперских казаках, как о наследниках Запорожского войска, и обильно вводят в изложение «украинские слова и выражения». По накоплению архивных и всяких других материалов очень много сделал секретарь Кубанского областного статистического комитета Е. Д. Фелицын, не черноморец по национальности, но давший наиболее работ ярко национальной окраски, касавшихся Черноморского войска, Запорожья и черкесского народа, которому, как наиболее угнетенной национальности, он особенно симпатизировал. После смерти Фелицына остались в рукописи ненапечатанными четыре увесистых тома, составленного им географического словаря Кубани, в котором наиболее места отведено географии черкесских племен до выселения их в Турцию — занесены на-

звания всех урочищ, мест поселения, займищ черкесских узденей, долин, равнин, гор и ущелий, где происходили битвы или столкновения, или имели место другие замечательные происшествия, священных роц, сборных пунктов и пр. и пр., с передачею связанных с ними легенд, воспоминаний, указаний аксакалов, седобородых знатоков черкесской старины, с которыми дружил Фелицын. Было бы большою потерей для науки — для филологии, доисторической археологии, фольклора, истории, обычного права, антропологии и этнографии, если бы эти монументальные труды строго академического характера, хранившиеся в Кубанском статистическом комитете, оказались утерянными бесследно в дни неурядиц на Кубани. Это была бы потеря не только для Кубани, но и для науки общеевропейской.

Что касается беллетристики, то и она не была забыта кубанцами. У черноморцев были свои оригинальные произведения. Как на типичные, можно указать на сочинения последнего наказного атамана из черноморских казаков Якова Кухаренка, большого друга — приятеля Тараса Шевченка, поэта мирового разряда, и на полное неподражаемого юмора и правдивого реализма сочинение Мовы.

Оба писателя излагали свои работы на украинском языке и у обоих они пропитаны сильным национализмом и характерными бытовыми особенностями из жизни черноморцев.

На Кубани не издавались толстые ежемесячные журналы, но за многие годы вышли объемистые «Кубанские Сборники», содержавшие в себе очень много ценных работ по истории, статистике, экономике, обычному праву, этнографии, сельскому хозяйству, метеорологии, географии и пр. С конца шестидесятых годов в Екатеринодаре издавалась официальная газета «Кубанскія Областныя Вѣдомости». Позже выходили ежедневные официальные и неофициальные органы Кубанской периодической печати. Характерно, что и официальные Кубанские Ведомости, за невозможностью говорить в них свободно и обозревать текущие события правдиво, обращены были в периодические сборники, изобиловавшие дельными очерками и ценными работами по всевозможным сторонам местной жизни и научным исследованиям края. К этому надо прибавить, что сотрудниками этого официального органа были преимущественно все те же черноморцы и первым редактором умело поставившим газету и работавшим в течение целого ряда лет в ней был также истый черноморец, носивший фамилию главного города Чехословакии — Прага.

В «Кубанских Областных Ведомостях», для которых обязательным официальным языком был язык русский, отдельные статьи нередко «контрабандным путем» печатались и на «українській мові». Тяготение к этому опальному и третируемому русским правительством языку, как в среде литературных работников черноморцев, так и в массе черноморцев читателей, всегда было сильным и жизненным. И когда газетная статья «на українській мові» или книжка на этом родном для черноморца языке попадали в черноморскую станицу, то они перечитывались по нескольку раз, комментировались и составляли предмет оживленных толков, ибо это было «наше», «написано по нашому», как говорили казаки украинцы.

Само собою разумеется, что и появление целого ряда портов на

морях, и подъем кубанской экономики, и улучшения в хозяйстве, и рост духовной культуры, и печатание черноморской литературы на русском, с черноморско-украинскими объектами, и на украинском языках представляли собою только отдельные звенья в общем ходе эволюционного роста Кубани. Таким же звеном были формы демократических порядков и гражданского устройства казаков. Источники, из которых исходила живая струя социального творчества — самоуправлявшиеся казачьи общины и некоторые войсковые институты, как институт войсковых земель, или войсковых рыболовных вод, или войсковых соляных озер, были центральным правительством сильно сужены в их функциях, обезличены и поставлены в стеснительные формальные условия, но они давали пищу коллективному народному уму, поддерживая стихийным путем исконные традиции казака. Нужен был хоть небольшой сдвиг неблагоприятных условий и возможность свободы действий, чтобы казак заработал, по его выражению «во всю». Такими содействующими факторами не стихийного, а нового осознанного порядка для развития и улучшения социально-экономического движения в казачестве были кооперативы.

Потребительные кооперативы появились на Кубани почти одновременно с просветительным движением в массе населения. Первое потребительное общество было открыто в 1872 г., через 7 лет еще 1, через 15 лет — 4 и к революции их было не более 100. Но в 1916 и в 1917 гг., в период первой революции, когда никто не мешал свободно действовать населению, потребительные общества, точно из рога изобилия, посыпались на Кубани. К 1 января 1919 г. их было 573 с 555.000 членов, объединенных в 4 мощных союза. Почти в каждой станице или в селе возникало одно или два общества, и, при населении в 3 слишком миллиона душ и средней семье в 6 членов, редкая семья, следовательно, была не причастна к кооперативу.

Кредитные кооперативы возникли позднее потребительных, хотя в 1905 и 1906 г.г. и опередили их в развитии. Однако, к 1 января 1919 года было только 218 кредитных товариществ и 88 ссудо-сберегательных, объединенных в два союза и имевших 226.000 членов.

Те и другие кооперативы не ограничивались узкими рамками материальных и денежных операций. Потребительные кооперативы, следуя принятой ими тройной системе ассоциирования — потребительные общества, за ними — союзы их, а венец тех и других — собственное их производство, — открыли отделы издательский, статистический, культурно-просветительный и пр. Кредитные кооперативы организовали агрономический отдел с целым штатом агрономов, показательных полей и пр. Союз кредитных кооперативов открыл книжный магазин, устраивал кооперативные курсы, распространял народные издания и пр. Такому быстрому и широкому размаху кооперативного дела способствовало стечение благоприятных условий — достаточные запасы материальных средств у населения, высокий стихийный подъем его настроения и свобода деятельности, а потребительным кооперативам и война, но в этом мощном развитии кооперативов на Кубани имели решающее значение не одни эти причины, а свою главную роль сыграли и казачий бытовой строй в духе исконных народных идеалов. На Кубани искони существовали и при-

вились к казачьему быту артельные формы по историческому типу ватаг с атаманом во главе. Их плодили и поддерживали черноморские станичные общины. В этих последних веках сложившихся социальных организациях еще до войны и революции началось движение, аналогичное с движением кооперативным, но в большем масштабе и с иными задачами. На Кубани возникли такие крупные, многочисленные, но демократические предприятия, как постройки больших железнодорожных линий на паях из кассовых источников станичных обществ, учреждение органов самоуправления для отделов или уездов явочным порядком, на основании хозяйственных обычаев общин, устройства в населенных станицах общинных паровых мукомольных мельниц, общественных маслобойных заводов, электрических трамваев и пр.

В основу всех этих предприятий положено было не индивидуально-кооперативное начало и почин, а коллективные интересы и потребности целых общин, не объединение отдельных лиц в кооперативы и кооперативов в союзы, а обслуживание потребностей на коммунальные средства всего населения общин. Вот из таких общин, насчитывающих по 10, 20 или 30 и даже 40 тысяч населения образовались союзы для крупных предприятий, которые и велись выбранными на сходах от каждой общины представителями. Так, Черноморско-Кубанская железная дорога построена была на протяжении 665 километров, на общинные пай 31 станицы и велась выбранными от этих станиц представителями.

Вот этим течением общественности, слагавшейся на низах народной жизни в общинах, обусловлено было и то положение, которое заняла Кубань, ставшая на путь самоопределения и самостоятельности после первой мартовской революции. Станичные общины и их сборы или рады были настолько близкими народному духу установлениями, что по типу их как бы сама собою сложилась и организация высшей власти и демократических порядков на Кубани. Тут произошло то же, что и в просветительном деле, и в развитии литературы и во многом другом: главными двигателями были представители украинского населения — черноморцы; и исторически сложившаяся идеология казачьего демократизма и даже названия главных органов власти были приняты и усвоены не только другими частями казачества, которым они были близки и сродны, но и иногородними. Старинные запорожские термины «рада» и казачий войсковой атаман вошли в новый политический лексикон.

Верховным правящим органом признана была Краевая Рада, прототипом которой была станичная рада. Краевая рада составлялась из избранных на станичных сборах или местных радах представителей от станиц.

Исполнителем воли рады и ее предначертаний был избранный Радою войсковой атаман, формировавший Краевое Правительство, ответственное перед Законодательною Радою. Образовался, следовательно, институт, аналогичный с институтами президента и ответственного министерства.

Законодательная же Рада была избранным, выделенным из состава Краевой Рады, законодательным корпусом, который вырабатывал законы и нес контроль, при помощи особого, независимого от Атамана и Правительства, контролера и контрольной организации.

Сформированные в таком виде высшие законодательные и исполнительные органы Кубани деятельно взялись за упорядочение внутренней жизни и развитие демократических порядков и хозяйственных начинаний Кубанского Края.

В короткое время были прежде всего разрешены:

I. Основы земельного вопроса, в силу которых все земли в границах Кубани были признаны общео краевою собственностью и большею частью переданы были в руки трудового населения на Кубани по станицам, т. е. по аналогии с существовавшим на Кубани институтом войсковой земельной собственности, находящейся в пользовании станиц и войска.

II. Особые заботы были приложены к подъему народного просвещения во всех видах и формах, начиная с низших школ и до высших, а также самообразования, просветительных учреждений, библиотечного дела, искусств и пр. Полная свобода дана была обучению и изучению наук на родном материнском языке, так как украинский язык, на котором говорило большинство населения, был запретным плодом при царском правительстве в официальном делопроизводстве и в школе и полужапретным в литературе.

III. В частности Краевое Правительство, совместно с комиссиями Законодательной Рады и специальными учреждениями, занято было:

1. Проектированием и работами по улучшению портов, железных дорог и вообще дорожного дела. Постановлены были на очередь вопросы о магистралях на север и северо-восточное Поволожье, разрешено было шесть подъездных железнодорожных путей в горы для разработки горных и лесных богатств, намечено было шесть шоссеиных дорог, сформирована была военная флотилия из мелких моторных судов, могущих служить и каботажным целям и пр. По всем этим отраслям были сделаны и практические начинания.

2. Разработаны были проекты элеваторной сети на железных дорогах и в портах по системе сооружений для зерна, муки, подсолнуха, селекционного дела и пр. А в центре Края — в Екатеринодаре приступлено было к постройке центрального элеватора.

3. Обследованы были и спроектированы работы по утилизации водных источников в Азовском побережье — лиманов и озер, с подразделением озер на соляные по добыванию самосадочной соли и грязевые для улучшения устроенных при них заведений по излечению ревматиков, золотушных и пр., и с обращением лиманов в огромные рыбообразовные водохранилища, соединенные с водами морей, Кубани и степных рек.

4. Произведены разведочные работы по утилизации электрической энергии на одном (из многих подобных ему) участках в верховьях р. Кубани, причем, путем систематических научных работ специальной экспедиции установлено было, что участок этот, при устройстве станции большого напряжения, может дать такое количество электрической энергии, с помощью которого можно привести в движение все машины и двигатели на Кубани с передачею значительной части энергии в другие соседние местности.

5. Приступлено было к выработке общего плана наиболее важнейших мелиоративных и гидротехнических работ по левому берегу Кубани и ее притоков: а) по обводнению степных рек, с помощью соединения верховьев их каналами с Кубанью, б) по орошению подгорных и прикубанских равнин водами многочисленных горных притоков реки Кубани, в) по осушке болот с левой стороны р. Кубани и пр. Частные предприятия, напр., Союз станичных обществ и землевладельцев, уже вели обследования по левобережью р. Кубани и произвели некоторые предварительные работы, как, напр., нивелировочные, а нужда в обводнении степных рек водами Кубани неоднократно выдвигалась на первый план станичными обществами еще при царском правительстве.

Независимо от всего этого и других начинаний Кубанского Правительства и его органов, за короткое время в Правительство поступило немало предложений от крупных капиталистов и частных компаний по оборудованию разного рода предприятий: а) устройство электрической станции на р. Белой, выше г. Майкопа, электрической компанией, б) оборудование огромного для всей Кубани, на той же р. Белой, ниже г. Майкопа, завода в Белореченской станице для выработки из Кубанской пихты и привозной ели бумаги и целлюлозы, г) аренды приазовских лиманов для рыболовства, д) постройка подъездных путей, е) шлюзование степных рек и т. п. Экономический пульс Кубани забил таким темпом, что к Правительству невольно тянулись и частные предприниматели.

Все вышеизложенное далеко не полно рисует тот мощный экономический, культурный и духовный подъем демократического населения богатой Кубани, который органически совпал с переменами в Российской империи. Как и всюду, такие моменты коренных преобразований, Кубани пришлось выдержать непреодолимый натиск неблагоприятных условий, помешавших сильному и несомненно нормальному развитию демократической окраины — богатой и свободолюбивой Кубани.

В настоящем положении Кубани назрела такая масса старых и новых очередных задач, которая требует серьезной разработки и всестороннего объективного освещения их. Нужна прежде всего и больше всего честная и продуктивная работа для Кубани и во имя Кубани. Что сделало в этом направлении Общество Кубанцев в ЧСР. — Это цифрами и фактами комментируется в особой статье. Можно лишь пожелать Кубани и кубанцам, чтобы в жертву нетерпимости и розни не были принесены высокие идеалы свободы слова, свободы мышления и этические начала единения и братства.

Проф. Ф. Щербина.

